



Протоиерей
Андрей Ткачев

ПОЧЕМУ Я ВЕРЮ

Простые ответы
на сложные вопросы

2-е
издание

Андрей Ткачев

**Почему я верю. Простые
ответы на сложные вопросы**

«Никея»

2017

УДК 242
ББК 86.372

Ткачев А.

Почему я верю. Простые ответы на сложные вопросы /
А. Ткачев — «Никея», 2017

ISBN 978-5-91761-531-8

В своей новой книге известный миссионер и писатель протоиерей Андрей Ткачев предлагает нам совершить путь от начала поиска жизненного смысла до обретения этого смысла в христианстве. Автор раскрывает свой личный опыт веры и знакомит читателя с убеждениями великих ученых и отцов Церкви. Преодолевая вопросы и сомнения, он буквально «за руку» вводит нас туда, где вера и знания реализуются в осмысленную и наполненную жизнь – отец Андрей вводит нас в Православную Церковь.

УДК 242
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-531-8

© Ткачев А., 2017
© Никея, 2017

Содержание

Беседа первая	6
Часть I	7
Несредневековое мышление	7
Рассуждение и вера. Пари Паскаля	8
Когда Бог остается только в голове	9
Нырять в историю нужно с «аквалангом»	10
Часть II	14
Сладость плода восходит к корням	14
О телегах, подвозящих хлеб страждущему человечеству	15
Вера бретонской крестьянки	16
Что мешает? Гордыня и невежество	18
Аврамова вера	20
Беседа вторая	22
Часть I	23
Добрые дела учат смирению	25
Благословенный труд	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Протоиерей Андрей Ткачев
Почему я верю. Простые
ответы на сложные вопросы

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р 15-516-0768*

Беседы вела Юлия Посашко

Беседа первая О вере и неверии

*Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него.
1 Кор. 8:2–3*

Когда благодать касается души человека, то вера становится реальностью, приобретает силу достоверности, не оставляющей места колебаниям и сомнениям.

Архимандрит Рафаил (Карелин). Дыхание жизни

Человек – существо мыслящее. С этим согласятся ученые всех направлений и убеждений. Человеку дан разум. Мы анализируем, рассуждаем, убеждаемся в одном и разубеждаемся в другом, сомневаемся, экспериментируем, строим догадки – на твердых основаниях эмпирического опыта или на шатких предположениях. Но вера... какой опыт стоит за ней?

Кажется, вера в Бога притянула к себе все мыслимые упреки просвещенного разума. Мы говорим «просвещенного», как само собой разумеющееся, забывая, что, прежде упования на свет наук, человек уповал на свет Христов, а под сводами храмов от Александрии до Киева издревле доносилось пение: «Свет Христов просвещает всех!». Справедливы или несправедливы эти упреки?

Напрасно ли человеку кажется, что, приходя в храм или даже для начала просто допустив веру в Бога, он окажется в области, где разум капитулирует перед нерассуждающей верой? Уверовав, должен ли буду я запретить себе сомневаться в чем бы то ни было, покорно приняв за истину множество вещей, с которыми мой разум спорит?

Враждуют ли вера и разум (или это не более чем недобросовестный лозунг советской, и не только, атеистической пропаганды)? Стоит ли за верой какой-то реальный опыт или люди веруют просто потому, что недостаточно подумали? Можно ли вообще «додуматься» до существования Бога?

Об этом мы говорим в первой из цикла апологетических бесед с протоиереем Андреем Ткачевым.

Часть I

Вера и разум. Диалоги с Паскалем

Несредневековое мышление

– Конфликт между верой и разумом достался нам в наследство от позднего Средневековья. Один из характерных признаков средневекового общества – фундаментальная законченность мировоззрения: извлечение любого камушка из мировоззренческого здания грозит этому зданию обрушением. Например, в эпоху позднего Средневековья на Западе «канонизировано» было все, от способов лечения желудочных болей до астрономической картины мира. Поэтому любое научное открытие, подвергающее сомнению церковное слово в области той или иной науки (хотя собственно наука не является областью Церкви), грозило крушением самой веры Церкви.

Средневековое мышление предполагало обязательность признания над собою Творца и Его законов, грядущего Страшного Суда и воздаяния и требовало смиренного поклонения перед авторитетом Церкви как хранительницы истины. От человека требовалась безусловная вера Церкви, вне зависимости от того, насколько близко и понятно ему то, чему Церковь учит.

На сомневающегося или чего-то не понимающего человека, который думает не так, как думает Церковь, смотрели как на источник опасности и неблагонадежности.

Человек может мыслить архетипами и категориями, не принадлежащими его времени, доставшимися ему в наследство от долгих столетий или тысячелетий. Сегодняшний программист вдруг может назвать себя казаком и отправиться воевать за идеи, которые были рождены в XVI, а озвучены в XIX веке. Человек, едущий в «мерседесе», по спутниковой связи разговаривающий с другим континентом, мировоззренчески может быть «младшим братом» Леонардо да Винчи: в духе Ренессанса утверждать некую новую мораль без Бога и бунтовать против Церкви. Самым святым для него может быть буйство плоти, а самым невыносимым – церковная догма. А ведь этот пафос эпохи Возрождения сегодня характеризует взгляд на мир огромного множества людей: «Богу нет места, Он не имеет права мною командовать! Миру нужна новая мораль!» При этом о существовании «средневекового мировоззрения» или «мировоззрения Нового времени» люди, имеющие подобные убеждения, в большинстве своем слыхом не слыхивали. Не зная этого, они этим мыслят. Такова инерция мышления.

К счастью, мы живем в XXI веке. «К счастью» вот в каком смысле: за нашей спиной – огромное количество людей, которые уже прожили эту жизнь и оставили нам свое наследие, хорошее или плохое. И у нас есть возможность, изучив это оставленное нам наследие, лучше узнать, кто мы сами. Тогда мы сможем, например, неожиданно распознать в себе черты средневекового человека, нетерпимого к любому проявлению несогласия или сомнения, или черты явного, натурального язычника, который воспринимает Бога как «Айболита» или «волшебника в голубом вертолете», но вовсе не Бога как Личность. Или же – черты человека новейшей эпохи, который от гордости сошел с ума и думает, что весь мир лежит у него под ногами, а он достоин им править.

Можно ли заставить человека верить? Если средневековый человек был уверен, что можно заставить склониться перед авторитетом, то сегодня мы прекрасно понимаем – веру нельзя вбить в человека, как гвоздь в дерево. Нельзя заставлять кого бы то ни было преклонять колени перед святыней, если для него она святыней не является, нельзя заставить человека исповедовать то, что не вошло в его душу, что не живет в его сердце. Бессмысленно тащить человека за руку в храм и заставлять поставить свечу до тех пор, пока он сам не скажет: «Приведите меня туда и расскажите, что вы там делаете, зачем это надо?» И говорить мы можем

лишь с теми, кто хочет и может слушать, у кого есть вопросы и кто готов услышать ответы от нас.

Это серьезный, тяжелый разговор – но только такой разговор и может принести добрые плоды.

– Все это так. Но почему же человек нецерковный подчас уверен, что не в Средние века, а именно в современной ему Церкви он вынужден будет делать то, чего не понимает до конца, принять неясные «правила игры», которые закабалят его, лишат свободы задавать вопросы?

– На самом деле стоит только раскрыть глаза, и мы увидим, что уже лишены свободы и поработаны множеством вещей и явлений, абсолютно нам чуждых.

Мы каждый день сталкиваемся с тысячей «тонких насилий», делаем то, что нам очень не нравится: стоим в очередях, толчемся в транспорте, на нас обрушивается информация, которую мы не любим, но все равно вынуждены смотреть и слышать, и нам не дают той информации, которую мы получили бы с удовольствием, – будь то хорошая музыка или хорошая книга. Нас заставляют влезать в кредитную кабалу, лечиться лекарствами, которые не лечат, слушать бестолковые песни и разговоры по радио в маршрутке – и нас никто не спрашивает, хотим мы это делать или нет. На самом деле мы очень несвободные люди!

Но в таком случае стоит все-таки выслушать и противную сторону. *Audiat et altera pars*¹.

Противоположная сторона говорит, что в Боге у вас возникает шанс (шанс – потому, что, получив, можно полученное и не удержать) обрести настоящую свободу от тысячи мелочей, которыми мы ежедневно оказываемся опутаны. И на веру можно предложить посмотреть именно так – не как на аппарат подавления внутреннего мира, а как на благотворную среду возрождения мира внутреннего, как на добровольное освобождение от тысячи мелочей, которые – не нужны.

Это очень важная вещь. Здесь нам пригодится умение размышлять, которое вере никак не противоречит.

Рассуждение и вера. Пари Паскаля

– Есть такой образ: карлики, сидящие на плечах гигантов. Эти карлики – мы. Нам очень многое может быть видно. Мы имеем возможность посмотреть назад с высоты прожитого. Там, в прошлом, были люди, которые удивляют нас умением сочетать то, что не все из нас сегодня умеют сочетать. Например, рассуждать и верить.

Один из лучших умов мира, Блез Паскаль², к счастью, написал очень мало книг. Почему к счастью – потому, что с ними легко ознакомиться. Его «Мысли» прочитываются за два вечера. И как раз у него можно подсмотреть сочетание двух, казалось бы, противоположных умений: рассуждать и верить.

Так, Паскаль выводит сногшибательную формулу, так называемое «пари Паскаля», которое сводится к тому, что верить выгодно – рассуждая строго логически.

Паскаль говорит: что теряет верующий, если он ошибся? Ничего. Он живет моральной жизнью, находит наслаждение в своей совести от исполнения хороших, правильных вещей, проживает свою жизнь, как любой другой человек, боля, страдая, но находя утешение в том, во что он верит. Потом его постигает конец, он уходит из этого мира. Допустим, он ошибся –

¹ Следует выслушать и противную сторону (лат.) (*здесь и далее примем, ред.*).

² Блез Паскаль (1623–1662) – французский математик, физик, философ и писатель. Его имя носят единица измерения давления и один из языков программирования. Главной своей задачей, особенно в последние годы жизни, Паскаль считал защиту христианства перед лицом атеизма. Он работал над фундаментальной книгой: «Апология христианской религии», но так и не успел завершить начатый труд. Тем не менее фрагменты этой работы под названием «Мысли» являются литературной классикой и известны всему миру.

и он попадает в некое ничто, исчезает. В чем он стратегически ошибся? Ни в чем. Он прожил свою жизнь, как все, от рождения до смерти.

В случае, если он не ошибся, что он выигрывает? Паскаль говорит: все. Он находит утешение и вечную жизнь, встречу с ранее почившими родственниками, он находит в Царствии Небесном всех тех, кого любил и знал: апостолов, пророков, Богородицу. Он находит там того Бога, в Которого он детской верой верил. Он находит все!

Теперь посмотрим на человека, отказавшегося верить. Что выигрывает неверующий, если он прав, и что он теряет, если неправ? Если неверующий прав, и там ничего нет – он ничего не выигрывает. Он проживает свою жизнь и уходит в ничто. А если он, неверующий, ошибся, то что же он потерял? Все. Он абсолютно все потерял.

Это банальное рассуждение по законам формальной логики. И его приводит не учитель математики среднеобразовательной школы, а один из блестящих умов в мировой истории.

– Но можно ли по-настоящему верить «по расчету» – только потому, что это выгодно?

– Конечно, верить только потому, что ты, проиграв «пари Паскаля», рассудил и понял выгоду веры, никто не может. И сам Паскаль не так верил. Вера – это дар Божий. Огонь веры возгорается в душе благодатью Божией. Правильная вера непременно должна рождать из себя любовь, потому что без любви все обесценивается. За веру нужно бороться, вера имеет многие стадии: пассивная вера, вера деятельная, вера, движущая горами, – разная.

И Паскаль, конечно, все это понимал. Поэтому в своих записках³ он говорил, что к человеку приходит не Бог философов, а Бог Авраама, Исаака и Иакова.

Но это сказал философ – серьезный философ, одна из эпохальных личностей в истории человечества, и к нему невредно прислушаться.

Так что размышление вере отнюдь не противоречит. Открыть эту простейшую истину помогает знакомство с краткими биографиями верующих людей, которые в области ума – науки, прикладных, технических занятий – оставили заметнейший след. Ведь они могли рассуждать над какими-то головокружительными вещами, над такими математическими и философскими задачами, перед которыми простой человек просто отступает. И это умение не мешало им веровать. И веровать так, как верит простой человек.

Когда Бог остается только в голове

– Возвращаясь от неверия к вере. Мы пришли к тому, что рассуждение вере не мешает. Что дальше? Каким мог бы быть первый шаг к обретению веры?

– Этот шаг, на самом деле, очень непростой. Первый шаг – ответить на вопрос: есть Бог или нет? Для начала просто это. Не разбираясь тут ни с кем – ни с иудеями и их «всемирным заговором», ни с мусульманами и международным терроризмом, ни с католиками и их крестовыми походами. Почему? Потому, что эти разбирательства ни к чему не приведут. В нашем засоренном сознании бродит множество мифов, которые уводят нас в сторону от простых вещей.

Если бы Паскаль с нами разговаривал, он бы с нас потребовал честного ответа на вопрос: «Ты понял, что логика не препятствует тому, чтобы склониться на сторону веры, и что, придя в храм или согласившись со мной, ты не потеряешь способность мыслить логически? Итак, скажи мне: спросил бы дальше великий философ, – есть ли Бог?»

Ответ на этот вопрос не так прост. Разум начинает виться, как змей. Вообще разум – это змей, который не ходит прямо, он вьется, змеится по земле, ползает на чреве вправо-влево.

³ Имеется в виду записка, найденная после смерти ученого в подкладке его камзола и известная как «Мемориал» Паскаля.

Так, Феофан Затворник⁴ говорил, что разум без Бога – это сатана, а разум с Богом – это Архангел Михаил. Разум, который с Богом, говорит: «Вонмем, станем добре, станем со страхом!»⁵ Господь – Свят, и нет подобного Ему – это знает разум (тот, что с Богом), знает и смиренно склоняется перед Богом, и служит тем, чем может, во славу имени Его.

А разум без Бога – хитер, изворотлив, извилист. Конечно, у него всегда будут сомнения, и он постарается сделать так, чтоб умножить эти сомнения, оставляя за собой последнее слово. Дьявол, как осужденный преступник, всегда свое последнее слово скажет. «И все-таки я не верю и кланяться никому не буду! – что-то такое он скажет. – И ты не кланяйся!»

И слишком опираться на свой разум в вопросах веры – небезопасно. Почему? Когда так происходит, Бог из Бога Живого может превратиться для человека в «идею о Боге». Это то, что происходило в западном рациональном сознании начиная с позднего Средневековья: сначала Бог превращается в идею Бога, потом, как следствие, подвижничество замирает, целомудрие заменяется сначала легким, потом более сильным развратом, пост уступает чревоугодию, любые виды аскезы отменяются как ненужные, литургическая жизнь угасает, молитва слабеет, милостыня прекращается... Все это происходит тогда, когда вера начинает «жить» только в голове.

Что остается? Остаются только разговоры об идее Бога – уже не о Нём Самом, а о том, есть ли Он? И наконец, появляется философ, который вдруг честно и громко кричит на площади: «Мы все убили Его! Бога больше нет, Он умер!» Речь идет о Ницше. Это был очень честный крик честного человека. Ницше (который страшно закончил, в жутких муках, потеряв рассудок) воплотил в себе потерю рассудка целыми народами, целой цивилизацией. Кстати, раз уж мы о нем вспомнили, то должны сказать, что он благоговел перед Паскалем и удивлялся тому, что христианство его покорило. Сам Ницше так и не смог разрешить этого противоречия.

И у человека, всецело полагающегося только на свой разум, есть опасность пойти именно этим дьявольским путем и так никогда и не выйти к истине. Поэтому и первый шаг к вере – великое дело.

Нырять в историю нужно с «аквалангом»

– Но как же действительно быть со всеми этими крестовыми походами и кострами инквизиции, которые зачастую первыми всплывают при разговоре о вере? Оставить их до поры до времени в стороне? Или все-таки потратить время, но разобраться с трудными вопросами истории?

– Да, по сути, приходя к вере сегодня, мы вынуждены каким-то образом пропустить через себя всю 2000-летнюю историю христианства.

Немногие делают это в начале своего пути к вере, но так или иначе христианину это делать придется. Что было в эпоху Ивана Грозного? Зачем поплыли португальские каравеллы в Японию? Почему горели костры инквизиции, горели ли они, сколько их горело? Грешнее и слабее ли сегодняшнее духовенство того, что было раньше, или люди всегда и везде одинаковы? Так или иначе, вопросы истории будут возникать и потребуют ответов.

И в своем конечном пределе задача тут такова: почувствовать христианскую историю прошедших веков как историю, которая касается меня лично, и выработать свое личное отно-

⁴ Святитель Феофан, Затворник Вышенский (1815–1894) – святой Русской Православной Церкви, выдающийся духовный писатель и учитель духовной жизни, исследователь и переводчик святоотеческих писаний. Наряду со свт. Игнатием (Брянчаниновым) остается одним из самых любимых и почитаемых духовных писателей не только в России, но и во всем мире. Наиболее известны его произведения «Путь ко спасению», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», «Начертание христианского нравоучения», а также письма о духовной жизни разным лицам, толкования на послания апостола Павла.

⁵ «Станем строго, станем со вниманием и благоговением!» (рус.). Священник произносит эти слова на литургии в начале евхаристического канона.

шение к этой истории. Только не стоит забывать вот о чем: чтобы, опускаясь на дно, потом вынырнуть обратно на поверхность, нужен акваланг – надо чем-то дышать. В истории часто дышать нечем.

– *Что Вы имеете в виду?*

– Человеческая история – это ведь кошмарная связка различных, подчас страшных событий. Стоит углубиться в историю ГУЛАГа, или Французской буржуазной революции, или Первой мировой войны, как ты погружаешься в какое-то месиво крови, интриг, дипломатических бумаг и документов, человеческих трагедий, маленьких сломанных жизней. Жестокость описываемых событий запредельна. И так – с каждой эпохой. Невольно спросишь себя: «Как мы не умерли до сих пор, благодаря чему мы живем?! Где же смысл во всем этом?»

И это очень тяжело для человеческой души. Под такой тяжелой исторической водой долго находиться нельзя: история способна раздавить человека, который не знает о том, что есть Свет.

А Свет есть – например, в истории мучеников, истории святых и праведников, которые также есть в каждой эпохе. Хотелось бы, чтобы эти факты тоже были известны людям.

Она есть, эта светлая сторона человеческой истории. Иоанн Златоуст⁶ говорил, например, что истинность исповедания Христа Богом для умеющего думать напрямую доказывается самим существованием христианской Церкви. Церковь была рождена жалким количеством бедных людей, жителей небольшой провинции Римской империи, у которых не было ни философских знаний, ни меча на поясе, ни политических связей, ни академического образования. Не было у них и опыта миссионерской работы. Кроме того, апостолы христианства принадлежали к иудеям – странному гонимому народу, который все узнают и которого все сторонятся⁷. И за краткое время своей земной жизни эта горстка учеников сумела покорить вере весь римский мир: Рах Романа, римский мир, стал Рах Christiana, миром христианским. Причем все апостолы умерли за свою веру, и умерли насильственной смертью (кроме Иоанна Богослова), не отрекшись от нее.

И Златоуст говорит: «Теперь посмотри, что произошло. Посмотри на финикийцев, на этих древних морских разбойников, – они поют псалмы! Посмотри на ливийцев, на этих жителей пустыни, – они знают, кто такой Лука, кто такой Марк, они читают пророков. Посмотри на гордых и спесивых римлян – они посыпают голову пеплом и соблюдают Великий пост. Посмотри на Дунай, на этих виноградарей, которые кривым ножом срезают виноградные кисти, – они читают молитву Иисусу Христу, когда работают в поле. Это сделало жалкое число проповедников. Все мы, собранные вместе, теперь не можем повторить даже малой доли того, что сделали они. Откуда это в них?»

«Теперь ты понимаешь, – мог бы продолжить Златоуст, – что Церковь не могла возникнуть случайно, теперь ты понимаешь, что силы им дал Христос, что такую силу может дать только Господь?»

Но это апелляция к человеку, который согласен сесть и думать.

Не нужно закрывать глаза на темные стороны церковной истории. Надо иметь готовность об этом говорить. Но говорить, не теряя из вида светлую мысль о Едином Боге, Который суще-

⁶ Святитель Иоанн Златоуст (ок. 347–407) – архиепископ Константинопольской церкви, прославленный в лике святых. Златоуст отличался даром слова и талантом проповедника, а также бескомпромиссностью, с которой он боролся с пороками своей паствы, не боясь обличать и императорский дом, чем нажил себе могущественных врагов. Один из учителей Церкви.

⁷ «В древнем мире любой человек знал по меньшей мере четыре вещи об иудеях: что они ни за что не согласятся прямо или косвенно принять участие в каком-либо языческом культе (что казалось антисоциальным), что они ничего не делали в субботу (что казалось неудобным), что они ни за что не будут есть не только идоложертвенное мясо, но и любую свинину (что казалось глупым) и что они обрезывали своих младенцев мужского пола (что казалось отвратительным)». См. А. Дворкин. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Курс лекций. – Нижний Новгород: Издательство Братства во имя св. князя Александра Невского, 2005. – 928 с. (Часть первая. Становление Церкви. I. Начало Церкви).

ствует вечно, и о Сыне Его Единородном, Иисусе Христе, Который пришел в мир, и Чье имя сладко для слуха верующих. Все, что связано с Христом, очень удивительно.

Когда в мире замолкает разговор о светлой радости и о смысле жизни, о том, что нужно призывать милость к падшим и верить в Бога и Богу, то человечество, пытаясь своими силами достигнуть счастья, учиняет какой-то очередной кошмар, чтобы потом долго и с большим трудом выбираться из него. Но вера никуда не исчезает. Она может сокращаться, как шагреневая кожа, или расширяться, как мехи баяна, переходить с территории на территорию, из рухнувшей Византии в Московскую Русь, но она никуда не исчезает. Вера сохраняется.

А человечество опять продолжает жить и давать повод новым историкам изучать очередные кошмары. Вот так движется история. И от ее ужасов нужно постоянно возвращаться к светлому миру веры, спастись в нем.

– А стоит ли человеку бросаться в эти кошмары истории, изучать их, пытаться разобраться, делать далеко идущие выводы, не имея веры?

– Нет. Человеку, для которого вера не сладка, для которого храм – закрыт, а богослужение и Священное Писание молчит, не стоит обращать свой взор в то, что называется историей.

Не имея веры, он рискует сгореть от стыда или сойти с ума, впасть в отчаяние, разувериться во всем и стать циником. Господь может человека и из этого состояния призвать – так может произойти. Как, например, это произошло у Клайва Льюиса⁸, который сел в автобус атеистом, а вышел – верующим человеком (он рассказывает об этом в своей книге «Настигнут радостью»). Такое часто бывает: озарение в толпе, когда ничего вроде бы не происходит, а у человека с души вдруг словно пелена снимается. Я сам слышал ряд историй, когда люди говорят: «Едучи в метро в очередной раз, я понял, что так жить нельзя: либо я умру, либо должно что-то произойти!» И атеист, спустившийся в метро, скажем, на станции «Смоленская», на станции «Бабушкинская» выходил верующим человеком.

Но, повторюсь, искать ответы на сложные вопросы истории, не имея опоры в вере, – это тяжелый путь.

– Если в исторической гуще Бога встретить трудно, то где искать Его?

– Я думаю, что человек как личность должен искать личного Бога, Который нужен ему и Которому нужен он. Внутри конкретных исторических условий – дефолта в Греции, войны на Украине, падения самолетов и пропажи «Боингов» – внутри той исторической картины начала XXI века, в которой мы живем.

И надо знать, что, если Бог приблизится к человеку, Он прикоснется к сердцу. Сердце человеческое – это орган, реагирующий на Его присутствие. Как дозиметр реагирует на радиацию, которую никак иначе не почувствуешь – ни глазами, ни слухом, ни кожей, – так и сердце реагирует на Бога, и потому к нему надо прислушиваться. Но только не думая, что Бог там «уже есть», – это тоже один из распространенных мифов. «Бог в душе» – это очень легкие слова, сказанные по очень серьезному поводу. Его там сейчас нет. Если бы Он там был как владыка и хозяин – мы бы совершенно по-другому действовали, думали, жили. Жизнь была бы совершенно другая.

Это личный путь богопознания.

⁸ Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) – английский писатель, один из лучших апологетов христианства в XX веке. Будучи крещен в детстве в англиканской Церкви, Льюис постепенно утратил интерес к религии, но в зрелом возрасте вновь обрел веру в Бога. Его литературное творчество отличают глубина мысли и вместе с тем простота изложения. Знаменитые «Хроники Нарнии» являются своеобразным пересказом евангельской истории на языке сказки, в «Расторжении брака» Льюис показывает, каковы на самом деле Рай и Ад, «Письма Баламута» – это «аскетика наоборот»: в форме переписки опытного беса со своим неопытным племянником писатель раскрывает основы христианской аскетике и духовный путь верующего.

И тут человек (вернемся к воображаемому диалогу с Паскалем, спросившему нас: «Есть ли Бог?»), не имеющий личного опыта встречи с Богом, позволяющего сказать «да», мог бы ответить: «Глядя на достойных людей, имеющих веру, я склоняюсь к тому, что Бог действительно есть. Но мой личный опыт об этом ничего не говорит».

Это уже будут честные слова.

Часть II

Нужен ли Бог, чтобы быть хорошим?

Сладость плода восходит к корням

– Давайте обратимся к вопросу, как будто более практическому. Как связаны вера в Бога и способности творить добрые дела? Обязательно ли нужно быть верующим, чтобы любить людей и творить добро в мире?

«Практические» праведники могут быть и неверующими. В жизни мы это видим. Можно вспомнить, например, Антона Павловича Чехова, который говорил о себе на протяжении всей жизни, что он растерял веру, что он в Бога не верит. Но тем не менее в самом себе являл жертвенное, деятельное, поистине христианское милосердие и сострадание к людям. Неверие в Бога в нем совмещалось с любовью к людям – выходит так?

– Это интересное явление. Я, как любой человек, с ним знаком и думал об этом.

И вот я думаю, что, если хотим понять, что к чему, мы должны поместить это явление в контекст. Нам должна быть известна «история болезни», «бэкграунд»: что там, в корнях? Не стоит рассматривать эту «атеистическую праведность» автономно, – дескать, это вспышки доброй человеческой природы. Неправильно извлекать этих праведников без веры из той среды, в которой они живут. Погрузив их в законную среду, мы обретем для себя очень много ответов.

Например, пытаюсь понять корни «советской праведности», т. е. праведности советской эпохи: жертвенности врачей или комсомольцев-метро-строевцев, смелости летчиков-полярников – мы вынуждены будем сказать, что она появилась не на пустом месте. И если вспомнить ее исторический контекст, мы должны будем понять, что это по сути – квазихристианский проект.

Во-первых, предки, деды и прадеды советских людей (в массе своей – крещеные) в течение многих поколений принадлежали к византийской православной традиции, причем в ее русском варианте, который отличается именно аскетичностью и жертвенностью. Без аскетического идеала Древней Руси подвиги советского человека были бы просто невозможны! Граждане «первого в мире атеистического государства» часто были практически христианами, если можно так говорить, не зная имени Того, Кто дал им силу, Кто заложил в историю нашей страны и нашего народа этот импульс.

У этой «атеистической праведности» есть свои истоки – какие-то молившиеся бабушки, расстрелянные священники, бывшие чьими-то дедушками или прадедушками, какие-то праведные монахи, затерявшиеся в шестом или седьмом поколениях, но никуда не исчезнувшие, – ни из памяти Бога, ни из нашей крови.

Кому-то, может быть, попался на жизненном пути прекрасный преподаватель вуза, который из хулигана и оболтуса сделал выдающегося ученого. И только поинтересовавшись историей жизни этого гениального преподавателя, воспитавшего великие кадры для науки, мы узнали бы, что он или сам был христианином, или принадлежал к христианской традиции, своей жизнью транслируя веру в души учеников, совершая тем самым свой незаметный подвиг (таким мирским подвижником был, например, профессор Алексей Фёдорович Лосев).

У каждого такого святого явления есть свой «бэкграунд». Мы не можем представить себе такого праведника, например, в ацтекской культуре – там, где пили кровь и наслаждались зрелищем человеческих жертвоприношений. Таких праведников там бы просто не было, потому что сам культурный фон не допускает такой праведности. Наш культурный фон позволял быть такой праведности, потому что это был христианский фон.

Чехов – тоже хороший пример. Ведь, вспомним, у него был очень верующий отец, создавший в своей семье «идеальный образ» воспитания, навязывавший детям веру своим родительским авторитетом. И тем самым поломавший всех своих детей.

Это как раз отрицательный пример христианского воспитания: стоит просто проанализировать письма Чехова, его переписку с братьями, чтобы сделать вывод о том, как нельзя детей воспитывать в верующих семьях. Чехов сам писал, что, видя, как они братьями на три голоса пели в церкви «Да исправится молитва моя», узнавая, что они весь Великий пост постятся по строжайшему монашескому уставу, люди думали, что из этих мальчиков вырастут святые. А ничего святого не выросло, ни из одного. Один стал действительно мировым писателем, и был внимательным, чутким, сердечным человеком, но – потерявшим веру. И кстати, скорбевшим от этого: он же и говорил, что человек должен либо верить, либо искать веру, иначе он пустой человек.

Но то доброе сострадание и милосердие к людям, которые у него были, – не из христианства ли он почерпнул? И это нельзя сбрасывать со счетов.

– Вы хотите сказать, что причина любой «атеистической» праведности так или иначе лежит в религиозных плоскостях, стоит только «копнуть глубже»?

– Сладость плода на дереве напрямую связана со здоровьем корней и с тем, что происходит под землей, – то есть там, где мы не видим. Что-то подобное можно сказать и про атеистов, которых мы можем называть праведниками.

Да, я считаю, что там, в истории, в корнях, есть что-то, обеспечивающее и обуславливающее их временную праведность – временную потому, что она с каждым поколением все больше и больше умалется и на каком-то этапе совершенно иссякает. Мы можем это видеть в истории нашей страны после 1917 года: уходят поколения энтузиастов революционной поры, героев Великой Отечественной, строителей БАМа, а вместе с ними меркнут идеи жертвенности, подвига, самоотверженного служения другим. На смену героям приходят сыновья, продающие медали своих отцов...

Без постоянной подпитки и подключения к источнику этот «бэкграунд», этот заряд святости выветривается.

К тому же, человеческое сердце таково, что человек сам о себе всего не знает. Есть те родники, которыми он питается, не понимая, чем он питается, собственно. Сердце и голова ведь могут жить отдельной жизнью. Сердце может питаться практическим добром, искать Бога или чувствовать Его, а голова, воспитанная в атеистической идеологии, может резко отвергать все связанное с Небом. Человек сложен по факту.

О телегах, подвозящих хлеб страждущему человечеству

– Не ставим ли мы верующего выше только потому, что он верующий? Опять же, человек, еще не пришедший к вере, в этом непременно увидит...

– Дискриминацию.

– Да, дискриминацию, граничащую с оскорблением: «Как вы можете меня жалеть, как вы можете меня ставить ниже себя? Вы не имеете на это права!»

– Если мы видим человека, не разделяющего нашу веру, но делающего наши дела, – мы признаем в нем нашего брата, неизвестно по каким мотивам к нам присоединившегося. И мы можем лишь снять шляпу перед тем, что мир сложнее, чем нам кажется. Далекое не все мы можем понять и объяснить. Но мы должны называть белое белым, а черное – черным. У нас есть такая заповедь, и горе нам, если мы поступим наоборот!

Но вспомните слова «гносного Лебедева» из «Идиота» Достоевского. «Слышите, стук телег, подвозящих хлеб страждущему человечеству?» – говорил там один деятель. А Лебедев отвечал: «Дайте мне нравственные основания для вашей деятельности. Я, гнусный Лебедев, не верю в стук телег, подвозящих хлеб страждущему человечеству!» Почему? Потому, что без твердого нравственного основания эти благодетели могут прелегчайшим образом исключить из числа питаемых хлебом значительную часть человечества. По собственному произволу.

На эмоциях нельзя долго «ехать», нужно «ехать» на твердом нравственном основании.

Один человек без твердых нравственных оснований, например, идет кормить людей в ночлежку или приносит беженцам горячий борщ, а другой – без твердых нравственных оснований кормит котов и собак и куска хлеба не даст человеку, потому что он разочаровался в людях и считает, что кошки лучше. Если мы представим себе двух этих людей, на одной лишь интуиции из сострадания кормящих кого-то живого, то мы должны понимать, что, как только мы им дадим это твердое нравственное основание, – тот, кто кормил людей, поймет, что он занимался тем, чем надо; тот, кто кормил кошек, начнет задумываться: «Слушай, подожди, кошки – потом, сначала – люди!»

На эмоциях долго не продержишься.

– *А твердое нравственное основание – где оно, откуда его взять?*

– Раз уж нам Бог позволил рассуждать, мы продолжаем рассуждать. Мы ищем, где же можно найти эти твердые нравственные основания для разумной нравственной деятельности. И находим, что на сегодняшний день, при всех достижениях науки и техники, при сегодняшнем избытке и перепроизводстве, голодных и нуждающихся быть не должно. Уже хватает всего! Уже можно было бы слышать не только стук телег, но рев турбин самолетов, привозящих сухое молоко детям Ганы или ЮАР. Но... ничего не слышно, ничего не летает. Бомбы летают, самолеты с сухим молоком – нет...

Почему? Очевидно, не хватает твердого нравственного основания, но существуют другие основания – безнравственные – для наличия умирающих от СПИДа, пленников наркоманских сетей, торговцев органами и «живым товаром», для локальных и глобальных военных конфликтов, для существования бедных и сверхбедных стран. Значит, не хватает именно нравственности. А она вытекает из религиозного мировоззрения – тут никуда не денешься, это логическая неизбежность, против которой невозможно спорить.

В том-то и дело, что дар рассуждения очень быстро возвращает нас к истине и здравому смыслу. Только бы мы им действительно воспользовались.

Вера бретонской крестьянки

– *Мы говорили о ценности дара рассуждения. Но вот Блез Паскаль, о котором мы неоднократно вспоминали и который этим даром пользовался как нельзя лучше, однажды сказал, что его вера далека от веры простой бретонской крестьянки... Действительно ли простая, нерассуждающая вера имеет преимущество перед верой «ученой»?*

– Бретонские рыбаки – это вообще абсолютно не сомневающиеся люди. «Я верю, как верит Церковь, и больше меня ничего не интересует» – это известная средневековая присказка. В ней очень много правды. Когда простой человек стоит перед лицом неверующего философа, который соблазняет его тоже отказаться от веры, то простой человек, как в материнские объятия, бежит к вере Церкви. «Я не могу с Вами спорить, мне не хватает для этого знаний, но я верю в Господа Иисуса Христа и верю во все, что говорит мне моя Церковь», – говорит он и прибегает к Церкви, под ее сень. И это очень правильная реакция. Это то, за что нельзя ругать Средневековье. Потому что в то время иметь большие познания и быть по-настоящему

образованными могли только люди, посвятившие себя монашеству и священству. А остальные работали по 20 часов в сутки.

– *Будет ли это правильной реакцией сегодня? Если современный образованный человек скажет: «Я не могу в этом разобраться, я верю авторитету Церкви?»*

– Мы, конечно, вправе ожидать от него больших знаний, большей воцерковленности, большей способности сопротивляться мысленным нападениям, но, если он имеет доверие к Матери-Церкви и чувствует подвох в словах собеседника, он может смело заканчивать разговор словами: «Я не могу с Вами спорить, мне не хватает знаний, но я верю так, как меня научила верить моя Церковь». Это будет очень правильно. Но это должно быть произнесено смиренно, твердо. Именно при наличии смирения и твердости здесь нет ни сучка ни задоринки. Я думаю, что в большинстве случаев эти слова, правильно, вовремя произнесенные, будут спасительны для человека.

– *Не будет ли здесь «слепой», бездумной веры?*

– Здесь есть много таких... ложных дилемм. Уже сами слова «слепая вера» содержат ошибку. «Видеть» и «верить» – это антонимы. Апостол Павел пишет о том, что мы верую ходим, а не вѣдением⁹. Слепая вера – это и есть нормальная вера, потому что зрячая вера – это знание: раньше я верил в это, теперь я знаю это. Вера стремится к знанию, стремится разрешиться от слепоты и увидеть то, во что верит.

Кстати говоря, мы знаем то, во что верим, уже потому, что отличаем объект своей веры от любого другого объекта. Допустим, кришнаит верит в Кришну, я верю во Христа. Я знаю, чем отличается Христос от Кришны? Конечно. Я могу путать эти объекты? Ни в коем случае! На основании чего? На основании твердого знания характеристик объектов. Я знаю, в Кого верю и в кого верит он. А раз я знаю, то моя вера со знанием связана. Я не могу верить без знания.

Область веры как раз требует знаний от человека. Например, когда мы поем на литургии молитву «Символ веры», то должны понимать, что в ней говорится, произнося молитву «Отче наш», мы должны знать, о чем она.

В конечном итоге мы стремимся к тому, чтоб вера стала знанием, чтобы надежда оправдалась, а любовь осталась и умножилась. Это наша «генеральная цель».

– *Как Вам кажется, отец Андрей, может ли человек надеяться прийти к ответу на вопрос «Есть ли Бог?» одними своими рассуждениями или ему нужно что-то еще?*

– Мне кажется, собственных интеллектуальных усилий для таких выводов человеку все-таки не хватит. Ему нужен личный благодатный опыт, и уже с этим опытом он должен совершить труд осмысления прожитой жизни и жизни мира – в тех пределах, в которых позволяет его кругозор. Личный благодатный опыт – это твердый каменный фундамент, который кладется в глубину человеческого сердца.

Но путь к обретению веры может быть неблизким. Обязательно на этом пути у человека будет кризис – например, в подростковом возрасте, когда все подвергается сомнению, или кризис, вызванный потерей близкого, с которой человек не может примириться и бунтует против Бога, говоря: «Зачем Ты забрал у меня того, кто был мне так нужен?!»

У Пастернака есть стихотворение о потере и обретении веры – это его личная исповедь, но вслед за ним ее могли бы повторить миллионы людей:

Ты значил все в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,

⁹ См. 2 Кор. 5: 7.

И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.
И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил.

Многие (из советских людей) были воспитаны в детстве в христианстве и имели какой-то светлый детский опыт, связанный с верой: образ молящейся перед иконами матери, звон колоколов на Пасху, первая детская исповедь. Потом «пришла война, разруха» – у каждого человека по-своему. И веру пришлось обретать заново.

Вера как доверие (условно назовем ее «верой бретонской крестьянки») – это очень хорошая стадия, хотя и не первая. За верой-доверием следует вера как уверенность.

Дай Бог до такой веры «добраться» человеку... Мы знаем имена тех, кто дошел до этого: святые – это люди, вера которых уже вошла в область знания.

Что мешает? Гордыня и невежество

– Отец Андрей, а что в первую очередь мешает человеку на пути к осознанной вере, к вере-доверию?

– Гордыня и невежество. Можно искать истину и не найти ее, будучи слишком гордым для этого, – каким, например, был Лев Толстой. Ведь он, пытаясь во всем подражать мужикам, даже ходил с ними на богомолье, но так и не обрел их веры, прошел мимо Христа.

Если человек не горд или горд не патологически (всякий человек как-то горд, но горд, как правило, не патологически), то второе, что может ему помешать, – это невежество. Невежество может быть разным. Одно дело – отсеченность от информации: какой-нибудь смиренный крестьянин, идущий за плугом где-то в Центральной Африке, с радостью откликнулся бы сейчас на слова о Христе, если бы ему дали возможность их услышать.

Но есть и другое невежество – информированная гордыня, когда человек говорит: «До сих пор я вас слушал, а дальше мне неинтересно. Спасибо, хватит!» Сердце такого человека – тот самый каменистый грунт из притчи о сеятеле, в котором семя истины не может пустить корни¹⁰.

– Стремление «во всем самому разобраться» – тоже своего рода гордыня?

– Нет, стремление «разобраться самому» может быть, напротив, меткой пытливых душ. Есть такие, которым мало услышать, но хочется все проверить. Не знаю, насколько уместно делиться анекдотами на страницах этой книги, но есть, мне кажется, один, достойный внимания. Я расскажу так, как слышал и запомнил.

Был на свете один страшный атеист, разговора с которым боялись все муллы, все равнины, все священники, все ксендзы и все буддийские монахи. И был другой человек, помоложе, который тоже считал себя неверующим. И этот молодой агностик захотел поучиться у старого «мэтра атеизма». Пришел к нему и говорит: «Я, как и Вы, атеист, я ни во что не верю! Я считаю...» – и произнес какой-то такой набор классических слов, описывающих атеистическое мировоззрение. А старый атеист ему говорит:

– А ты когда-нибудь слышал, как в кельях плачут отшельники?

– Нет. А зачем? Это мне совершенно чуждо, я это не приемлю, ведь я атеист!

¹⁰ См. Мф. 13: 3–9, 18–23 (истолкование Иисусом притчи о сеятеле).

– А ты бывал когда-нибудь в монастырях, смотрел в лица монахов, монахинь, знаешь, как они живут, их распорядок дня? Разговаривал ты с ними, спрашивал ли их, как они пришли в монастырь, с каким грузом, с какими радостями?

– Нет, я никогда этим не занимался! Зачем мне это надо?! Меня это совершенно не интересует!

– А ты знаешь, сколько в среднем часов в год проводит над книгами раввин?

– Да какая мне разница?! Пусть проводит, сколько хочет, мне это неинтересно!

– А ты когда-нибудь видел, как мусульмане совершают хадж в Мекку, как они оттуда возвращаются?

– Да не надо мне тут ничего перечислять!

И тогда наконец этот старый атеист говорит молодому: «В таком случае, молодой человек, Вы вовсе не атеист – Вы просто глупец».

Вывод на поверхности, понимаете?

Самое интересное в жизни мира – это религия. Все самое глубокое, самое пламенное, насыщенное, значительное – это все там, где есть Бог.

Или там, где люди ищут Его, или там, где они нашли Его, или там, где они Его потеряли и опять ищут. И пренебрежительно пройти мимо этого опыта может только человек, у которого не хватает совести или образования. Так, один баптистский профессор говорил, что человек, сомневающийся в историчности Иисуса Христа, не имеет проблем с верой, – но у него серьезные проблемы с образованием.

Серьезному атеисту надо будет, возможно, подняться на более высокий уровень знаний, чем среднему верующему человеку. Он должен будет, как апостол Павел, отправиться в путь в Дамаск¹¹, чтобы укрепиться в своем отрицании. Ответственному атеисту нужно поставить перед собой честную задачу: «А ну-ка проверю, чем занимаются все эти люди, которые говорят, что Бог есть? Ну-ка почитаю, послушаю, ну-ка похожу туда, куда они ходят» – например, в какой-нибудь крестный ход, в котором 30 тысяч человек – мужчин, женщин, детей – несколько дней идут под дождем и солнцем, по грязи и по бездорожью.

Честный атеист должен сесть и прочесть Евангелие. Обязательно. Если он осилит, пусть прочтет и Коран. Если и этого окажется мало, пусть сядет и сопоставит Коран и Евангелие, пусть познакомится с еврейской религиозно-молитвенной практикой, с тем, как верили пять тысяч или три тысячи лет назад... Для таких исследований человеку, конечно, понадобится очень сильный пафос, страсть, в первичном смысле этого слова: «Ну сейчас я разберусь с этим всем! И уж когда я разберусь, вы меня не обманете!» Вот тут-то... Бог его и поймает. Как апостола Павла, собственно. Как митрополита Антония Сурожского¹², и еще многих, многих других.

Тут-то Господь и ловит этих горячих, равнодушных людей. Ведь религия, по словам одного немецкого религиозного философа, Пауля Тиллиха, есть состояние крайней степени заинтересованности. Таких – заинтересованных – и ищет Господь.

¹¹ Обращение апостола Павла, до этого момента бывшего гонителем христиан, совершилось по пути в Дамаск, куда он отправился, чтобы, «кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим» (см. Деян. 9: 2).

¹² Митрополит Сурожский Антоний (Блум) (1914–2003) рассказывал, как он пришел к вере. Это случилось, когда после религиозной лекции он, подросток, пришел домой с намерением «покончить, наконец, с христианством», разобраться с ним и раз и навсегда откинуть. Будущий митрополит нашел дома Евангелие: «...и так как я ничего хорошего не ожидал ни от одного из четырех, я решил прочесть самое короткое (Евангелие от Марка. – *Ред.*). И тут я попался... я сел читать; и между началом первой и началом третьей главы Евангелия от Марка я вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, тут, стоит Христос. И это чувство было настолько разительное, что мне пришлось остановиться, перестать читать и посмотреть. Я смотрел долго; ничего не видел, не слышал, чувствами ничего не ощущал... но у меня было яркое сознание, что тут несомненно стоит Христос... Помню, я тогда откинулся и подумал: если Христос живой стоит тут... значит, все, что о Нем говорится, – правда». (См. Биография митрополита Сурожского Антония на сайте Электронная библиотека «Митрополит Антоний Сурожский». URL: <http://www.mitras.ru/biograf.htm>.)

Аврамова вера

– *Что делать человеку, если он «не чувствует Бога», если Небо для него молчит? Вроде и хорошо было бы поверить, но – не могу!*

– Такому человеку надо, безусловно, просить о вере. И еще, мне кажется, очень важно, когда люди просят Бога о других людях. Тогда, как говорил Паскаль, человеку даруется счастье быть причиной.

Первопричина всего – это Господь, но, когда человек включает волю и начинает активно что-либо делать, он изменяет мир. Как, скажем, тот, кто убирает мусор и разбивает клумбу под окном, привносит красоту туда, где раньше было безобразие... Так и молящийся человек может стать причиной перемены в чьей-то неверующей душе.

В Деяниях Апостолов описан эпизод¹³, когда одного из первых диаконов христианской Церкви, Стефана, забивали камнями иудеи, а юноша по имени Савл, одобряющий убийство, сидел и стерег одежды этих убийц. И потом, в ближайшие дни, по дороге в Дамаск этому юноше явился Христос. От видения Савл ослеп и получил откровение идти в Антиохию, где он крестился и стал всем нам известным христианским апостолом Павлом. Так вот, один из отцов Церкви, Блаженный Августин, толкуя этот эпизод, говорит: если бы не было молитвы Стефана, не было бы обращения Савла. Молитва праведника была последней каплей, которая привела будущего апостола ко Христу.

Так что просьба того, кто уже знает Бога, о том, чтобы Он в некую малую, но нужную долю стал явен неверующему человеку, который Бога «не чувствует», очень много может значить.

Но молиться о другом человеке может только тот, кто сам переживает Бога как Высшее Благо, для кого вера в Бога, стремление к Нему и общение с Ним – не просто «что-то хорошее», не просто способ «оградить» себя от неприятностей, а смысл всей жизни. В этом смысле с одинаковой тревогой можно молиться как за успешного и состоявшегося бизнесмена, так и за человека, не нашедшего себя в жизни: если ни тот ни другой не знает Бога, они равно несчастны, их благосостояние в мире не имеет значения.

Почему это важно понимать? Нередко мы относимся к Господу Богу как к доктору Айболиту, который придет и всех исцелит, или ждем Его, как волшебника в голубом вертолете, который прилетит и сделает всех счастливыми, «всем бесплатно покажет кино». Мы бываем готовы поступать как язычники, которые целовали землю на берегах Нила и благодарили Нил за то, что он разливается, но попробовал бы он не разлиться – они бы его били батогами!

Но Бог – это не утилитарное понятие. Бог нужен не для того, чтобы жить без пьянства, без голода и войны, а Он нужен сам по себе, как Бог, как конечный смысл, как цель пути. «Защитник», «кормитель» и «устроитель чудес» – это второстепенное, это функции, но глубже всех этих функций есть Бог по существу. Бог как Бог.

Вера в такого Бога, память о Нем, размышление о Нем и любовь к Нему – это вера Аврамова. Авраам всю жизнь ходил перед Богом, прошел через ряд испытаний, постепенно накалявшихся до самых серьезных, доказал Ему свою верность, но при жизни ничего особенного не получил: только обетование о будущем, которое исполнилось на его потомках. Сам же Авраам умер бездомным, не имея под ногами собственной земли.

И на самом деле очень тяжело к Богу относиться как к Богу. Но по слову апостола Павла, христиане – дети Авраама по вере¹⁴. И наша вера должна быть именно такой.

¹³ См. Деян. 6: 8–7: 60.

¹⁴ См. Гал. 3: 6–9.

– Чтобы как-то подытожить тему веры и неверия – такого разного неверия и такой разной веры, как бы Вы определили веру в Бога? Что значит верить?

– Вера – это личное чувство встречи с Богом, прикосновения Бога к сердцу, чувство, прошедшее через разум, осознанное, удержанное и сохраненное им. Вера – это мой личный опыт, тождественный такому же опыту миллионов людей – живших до меня, живущих рядом со мной и тех, которые будут жить после меня, – так что мы все могли бы сказать: «Мы нашли одного и того же Бога. К тебе и ко мне прикоснулся Тот же».

Беседа вторая

Надежда на Бога: безволие или благоразумие?

Самоуверенность является нашим наибольшим и наихудшим врагом, который безжалостно и неожиданно нас разоряет и оставляет в несчастном положении под открытым небом¹⁵.

Паисий Святогорец

Коня готовят на день боя, но победа даруется от Господа.

Притч. 21: 31

Икона успешного человека XXI века – человек активный, стремящийся изменить себя и мир вокруг, извлечь максимум из своих способностей и обстоятельств. Но вера в Бога на первый взгляд учит человека обратному: отстраниться от мира, который «во зле лежит», уйти в собственные глубины – в молитве, созерцании, познании себя и Бога. Должен ли человек, уверен, отказаться от деятельной, активной позиции, к которой привык стремиться? Действительно ли идеал успешности XXI века несовместим с верой, и добродетелью христианина является уход от суеты и пассивность? Ждет ли Господь от человека отказа от активной деятельности в миру? Как совмещается молитва и действие?

Во второй беседе с протоиереем Андреем Ткачевым попробуем разобраться в этих вопросах.

¹⁵ Цит. по: Старец Паисий. Простые слова. Ежедневник православный. – Минск, Свято-Елисаветинский монастырь, 2014.

Часть I

Знание своих гра

– Когда крестился король Хлодвиг¹⁶, то он, перед тем как зайти в купель, спросил епископа, крестившего его: «Что я потом должен буду делать?» – «Ты должен будешь сжечь все, чему поклонялся, и поклониться всему, что сжигал», – ответил королю епископ. Иными словами, потребовал от него полной перемены деятельности.

Потеря интереса к тем вещам, которые тебя раньше очень интересовали, и активный интерес к тому, к чему до того ты был совершенно безразличен, очень часто сопровождают приход к вере. Ведь быть бездеятельным человек не может – мы созданы как существа деятельные. Только верующий уже будет деятелен по-иному.

– *В чем заключается эта инаковость?*

– Вера дает человеку понимание границ своих возможностей.

На самом деле человеческая активность формируется в зависимости от того, как и о чем человек думает. С возникновением протестантизма появилось два психологических типа западного человека. «Католический» – это тип старого средневекового сознания, когда человек работает, чтобы выжить, в случаях неудач утешается Богом, в случаях успеха Бога благодарит, но никаких сверхзадач, кроме религиозных, перед собой не ставит.

Протестантизм способствовал появлению человека с новой психологией. Человек «протестантского» типа мышления ставит себе вполне земные цели, например достижение максимально для него возможного успеха и благосостояния в этой земной жизни. В случае успеха он благодарит в первую очередь свои энергичность и пронырливость, неудачи заставляют его искать новое поле приложения своих усилий, искать себя в чем-то другом. Люди с таким образом мысли привели мир к промышленному буму, изменившему лицо Земли, к географическим открытиям (впрочем, к географическим – еще католики), к изменению человеческой психологии: если я сильный, то все силой возьму! если умный – всего добьюсь своим умом! если богатый, все деньгами куплю!

Вера, напротив, связывает человека благими помыслами, дает ему понимание ответственности, зависимости от других людей и от Бога, и понимание границ своих возможностей. Ведь умный человек отличается от глупца именно тем, что знает границы своего познания и меру своих сил или, по крайней мере, стремится их узнать. Человек, который верит в Бога, думая о решении земных задач, всегда будет помнить и о том, что есть Вседержитель, Кому принадлежит все: и мировой денежный ресурс, и каждая капля воды, и каждая крошка хлеба, все успехи и неуспехи человеческие. «У вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь!»¹⁷ – эта возвещенная Евангелием истина дает человеку понимание того, что у его возможностей есть край, предел, и понуждает найти этот предел. Найти и не дерзать выходить за него, чтобы не повторить ошибку Люцифера.

Ощувив свои границы, осознав, что не все в этой жизни зависит от него, человек уже начинает «сбавлять обороты» и учиться: учиться просить помощи, укрепления и благословения.

Тот же, кто, подобно человеку эпохи Возрождения, считает себя хозяином жизни и готов воскликнуть: «Все могу, все сделаю, всего добьюсь! на край света полечу, в космос заберусь,

¹⁶ Хлодвиг I (466–511) – король франков. По преданию, в христианство язычник Хлодвиг обратился после того, как во время одной из битв с алеманнами, призвав на помощь Христа, которого исповедовала Клотильда (жена Хлодвиг, бывшая христианкой), одержал победу.

¹⁷ См. Мф. 10: 29–31.

богатым стану, достигну счастья!» – тот и будет действовать в духе этого мировоззрения. Конечно, по сравнению с таким энтузиастом, неверующим, но уверенным, что он сумеет свернуть горы, верующий выглядит заметно спокойнее и куда менее активен. Он знает: от него не все зависит.

– А всегда ли это хорошо – тихо сидеть и надеяться на Бога?

– Я думаю, что это хорошее спокойствие. Надеяться на Бога – это правильно. Но настоящую цену этой надежды и этого спокойствия может знать только тот, кто ощутил ее плоды, кто понял, что Господь не лишит доверившегося Ему того, что ему по-настоящему необходимо.

Христос, успокаивая нас, говорит: «Вы не можете сделать ни одного волоса белым или черным»¹⁸. «Но как же это? – скажем мы. – Ведь мы можем пойти в парикмахерскую и перекраситься в любой цвет!» Христос говорит: «Вы не можете приложить своему росту локоть»¹⁹, то есть увеличить свой рост даже на локоть. А мы пытаемся – уменьшать, увеличивать, растягивать кости, изменять форму носа, делать другие пластические операции, вплоть до «смены пола», как бы говоря этим: «Да ничего подобного! Все мы можем!» Это логическое продолжение той самой возрожденческой установки «я – хозяин жизни!», такое «мичуринство» («Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача», – говорил этот ученый), только не над яблоками, а над человеком. А Господь напомнил нам о том, что на самом деле все, что происходит с нами, Ему ведомо и мы – в руках Божиих.

Верующий человек менее активен и более созерцателен. Его мировоззрение, размышления, созерцание и анализ должны составлять серьезный компонент его жизни. Он не должен быть бездумен в действиях, он должен просчитывать возможные риски, должен думать заранее. И ему полезно смотреть на то, как кипит и суетится «активное человечество» и что из этого получается. Тогда «гибель нечестивого» будет праведнику наукой.

Ведь у слабого духом человека может возникнуть соблазн: «Какой прок в угождении Богу? У тех, которые творят все, что хотят, все лучше, чем у меня. И не есть ли это мотив для того, чтобы и мне поступать, как они?» Эту дилемму заметили еще древние пророки: как много сил тратят праведники на то, чтобы угодить Богу, и как незаметны их дела в мире, а дела нечестивых, которые раздражают Господа каждый день, – успешны. Они ежедневно искушают Бога, но до сих пор живут! Это одна из проблем, которая заставляла праведников останавливаться перед жизнью и спрашивать Бога: почему? Почему пути нечестивых успешны, почему стада их множатся, почему в этих стадах нет ни одной бесплодной овцы или недоящейся коровы? Почему у них так все хорошо? Почему праведник часто смирен обстоятельствами жизни и унижен (в псалмах праведники называются часто «нищие земли»)? «Или Тебе все равно? – спрашивали пророки Господа, – или Ты специально так устроил и только ждешь часа, чтобы поставить все на свои места, испытывая веру и терпение праведных?»

На самом деле человеку лучше понаблюдать за этой активностью неправедных снаружи, «сидя на красивом холме»²⁰ и глядя на это все внимательным оком. Посмотреть, чем она заканчивается.

В псалмах царя Давида есть такие строчки: «Праведник умоет руки в крови грешника»²¹. Это не буквальное выражение, его надо понять в духовном смысле. Руки – это образ деятельности, кровь – образ погибели. И когда праведник увидит нечестивого умирающим, он «умоет свои руки его кровью», то есть он очистит свою деятельность опытом его погибели. Он не будет повторять путей нечестивого, видя, куда они того привели.

¹⁸ См. Мф. 5: 36.

¹⁹ См. Мф. 6: 26–27.

²⁰ Слова из одноименной песни Бориса Гребенщикова.

²¹ См. Пс. 57: 11 (в церковнослав. переводе).

В конце концов, человек без веры действует по очень ограниченным векторам движения. Основных вектора три. Во-первых, это самолюбие, желание выделиться и прославиться, иметь повод сказать: «Я – лучше всех!» Затем – сребролюбие: «Хочу иметь все!» (человеку всегда и всего мало). И наконец, сластолюбие, желание удовольствий. Трудно выдумать что-нибудь новое для того, кто действует в жизни без веры.

Кстати, к славолюбию и некой жадности – впечатлительной, интеллектуальной жадности – может относиться, например, стремление как можно больше увидеть, узнать, когда человек, скажем, ставит себе целью объехать все страны мира и собрать в своем паспорте штампы всех таможен. Есть такие люди, это факт. Что здесь? Безусловно, жажда впечатлений, жажда приобрести к богатствам и царствам всего мира, и некое тщеславие, повод похвалиться, превознести себя на фоне тех, кто нигде не был, либо был, но не везде. И человек этим может плениться, и тогда начинается гонка – за восточными сладостями, персидскими коврами, чикагскими небоскребами, африканскими саваннами, тайландскими удовольствиями... Это, по сути, и есть та похоть очей, которой лукавый соблазнил Иисуса Христа на горе искушений, показав Ему все царства мира во мгновение ока...

Добрые дела учат смирению

– Отец Андрей, но ведь не всякая активность нечестива и вредна – мы видим вокруг массу добрых начинаний. Неужели и эта активность верующему возбраняется?

– Не думаю. На самом деле миру очень нужны «мирские» подвижники.

Можно с уверенностью сказать, что праведники локализованы не только в пустынях, в горах и пропастях земных, в монастырях. Они могут быть щедрой рукой «рассыпаны» по медучреждениям, по юридическим консультациям, по домам престарелых и детским приютам. Есть ряд священных профессий, которые могут сделать из человека некоего подвижника, в случае самоотдачи и внутренней христианской веры, живущей в нем. Например, если верующий прокурор или верующий адвокат отдает себя работе и пропускает через себя человеческие страдания и жизненные перипетии с желанием не навредить, но помочь, – он совершает очень важную оздоровительную работу в обществе. Так же поступает врач, который трепетно относится к своей работе, не только как к средству зарабатывания денег, а как к средству помощи больным. Так же может поступать и учитель.

И добрая активность есть. Например, «научный эрос» ученого, который влюблен в свою науку и в сам процесс познания, в чем-то очень близок к христианскому подвижничеству. Верующий художник, живописец, поэт, драматург, который «сжигает» себя в работе, в творчестве, при этом соблюдая некий нравственный код христианских ценностей, тоже в своем роде будет мирским подвижником. В разных местах могут быть праведные люди, которые веруют и реализуют свою веру через дела. И напряженности, с какой они работают, удивится любой «активный гражданин».

Но это будет специфическая активность, сопряженная, опять же, со знанием границы собственных способностей: верующий человек знает, что он не может исцелить и исправить мир. Как бы он этого ни хотел.

Ведь чему учат человека добрые дела? Такой, казалось бы, простой вопрос ставит один святой. И отвечая на него, говорит: «Делание добрых дел научает его смирению». Почему? Потому, что человек, творящий доброе дело, постоянно ощущает свою немощь и недостаточность. Человек чувствует, что он посреди творения добрых дел оскверняет себя действием страстей, например завидует или раздражается. Он видит, что добро, сделанное им, несовершенно, в нем есть червоточины и недоделки. И он смиряется, понимая, что добрые дела делать надо, но гордиться ими нельзя. Не получается ими гордиться!

Болезни мира не исцеляются человеческими руками – это очень важный кирпичик адекватной картины мира. А уверенность в том, что мир может быть радикально и качественно изменен человеческими усилиями, – это глубокое заблуждение, граничащее с отвержением веры в Бога, веры в грехопадение и искупление человека. Мир будет радикально обновлен и переменен только во втором пришествии Христа.

Зная все это, верующий будет активен, но – смиренно, ограниченно активен. Ведь только гордый всегда старается взять на себя больше, чем может понести, и приписывает себе большую значимость, чем имеет на самом деле.

– Как раз гордого-то деятельность и может смирить, разве нет?

– Гордого деятельность может скорее поломать, чем смирить. Поломать и оставить лежащим на обочине. А вот отстранение от деятельности может помочь смириться. Как помогает осознать свою недостаточность невероятной красоты пейзаж, на фоне которого ты очень-очень мал.

Представим, например, что голливудский актер, получивший премию «Оскар», ослепленный вспышками фотоаппаратов, уставший от раздачи автографов, опьяненный всеобщим вниманием, вдруг попадает на неделю в какую-нибудь деревянную хижину, одиноко стоящую на горном плато. И – ни одного репортера, никого, кому он был бы нужен. Телефон сел – не с кем поговорить. И при этом каждое утро и каждый вечер – удивительной красоты восход и закат. В первый день он, вероятно, будет отдыхать от всего и наслаждаться одиночеством, во второй – одиночество станет ему уже в тягость, в третий – он понемногу успокоится, а через неделю – забудет о том, что он голливудский актер, получивший «Оскар», и начнет понимать, что он просто букашка на спине огромного кита, который плывет в Мировом океане.

Влезть в гущу очень часто значит впоследствии – сломаться, а устранишься – значит спастись. Смириться лучше от маленьких неудач. Например, от больного зуба. От потекшего крана.

Благословенный труд

– Возвращаясь к вопросу о деятельности и жизненной активности... Христос ставит нам в пример птиц небесных, которые не сеют, не жнут, но которых питает их Небесный Отец²². Но ведь современники Христа, слышавшие эти слова, были не менее наблюдательны, чем режиссеры каналов Discovery или Animal Planet, – они понимали, что птицы вовсе не сидят на месте. Еще солнце не рассвело, а птицы уже начинают чирикать, свистеть, летать туда-сюда, ища себе пропитание и материал для гнезд. Потом в гнездах появляются птенцы, и их тоже надо кормить и растить...

²² См. Мф.6: 26.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.